

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Перминовой В.А. «Тайвань – «образцовая» колония Японии (1895-1945 гг.): особенности социально-экономических преобразований», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.15 – «История международных отношений и внешней политики»

Диссертационное исследование В.А. Перминовой посвящено изучению колониальной политики Японии на Тайване и социально-экономических трансформаций тайваньского общества в условиях колониального господства. В работе поставлена задача проследить эволюцию основных принципов и методов управления местным обществом со стороны колониальной метрополии, а также сопоставить в этом контексте колониальные методы Японии, применявшиеся на Тайване, с аналогичными методами в отношении других частей Японской империи – Кореи и Маньчжоу-го. Избранная диссертантом тема исследования представляется крайне важной и актуальной. Тайвань является на протяжении нескольких последних десятилетий одним из сложных узлов международных отношений в Восточной Азии, очагом потенциальной напряженности и конфликтов, одновременно являясь одной из самых успешных и динамично развивающихся территорий АТР. Политическая система Тайваня, проделавшая путь от авторитаризма к достаточно развитой демократии, не только важна сама по себе как пример трансформации восточного социума, но и как составная часть неоднозначных процессов в ареале так наз. «Большого Китая». Тщательное изучение основных этапов развития Тайваня может помочь более объективному и всестороннему анализу тех факторов, которые определяют

перспективное направление дальнейшего развития ситуации вокруг Тайваня.

В диссертационной работе Перминовой А.А. предпринимается попытка комплексного анализа развития Тайваня в колониальную эпоху, включая такие важнейшие аспекты как экономическая политика, внешняя торговля, финансы, административные меры, судопроизводство, самоуправление, меры в отношении основных этнических групп населения, приоритеты в области образования и здравоохранения. На основании подробного рассмотрения вышеуказанных сфер автор ставит задачу выделения основных особенностей японского колониального опыта применительно к Тайваню в сопоставлении с методами основных европейских колониальных держав, а также в сравнении с ситуацией в Корее и Маньчжурии. Диссертант использует в своей работе ряд исследований, позволяющих поставить тайваньский материал в контекст такого важного для историков вопроса как колониализм в мировой истории.

Основываясь на серьезной проработке привлеченных для исследования материалов диссертант анализирует не только особенности японской политики, но и подходит к тому, чтобы дать оценку эффективности осуществляемых мер и программ. При этом автор дифференцирует различные сферы колониального управления: если в области экономики и финансов, а также в сфере полицейского контроля она видит основания для вывода об успешности решения поставленных задач, в других областях – таких как задача создания единого в рамках империи культурно ассимилированного населения, миграционная политика и т.д. – результаты, по мнению диссертанта были менее впечатляющими. В целом В.А. Перминова аргументирует позицию об относительно успешном и эффективном опыте конструирования японцами колониального Тайваня, который она называет (со ссылкой на японские

подходы) «образцовой колонией» Японии. Это позволяет ей высказать гипотезу о значительной преемственности в колониальной и постколониальной политике управления островом (со стороны теперь уже партии Гоминьдан), а также выдвинуть тезис о том, что успешный в целом опыт развития Тайваня под владычеством Японии обусловил тесное сотрудничество между Тайванем и Японией на протяжении всего послевоенного периода и вплоть до настоящего времени.

Исследование диссертанта опирается на широкий круг источников и литературы на английском, китайском и русском языках. Привлечены статистические сборники, распоряжения и публикации ведомств, путевые заметки и записки иностранцев, посещавших в разные годы колониальную Формозу, материалы СМИ, актуальная исследовательская литература. Особое внимание автор уделила введению в научный оборот прежде малоизвестных документов отечественных публицистов и исследователей (как дореволюционных, так и советских), бывавших на острове в первые десятилетия XX в. или писавших о нем на основе анализа зарубежных материалов. Определенное внимание заслуживает раздел приложений, где автор подобрала некоторые наиболее важные статистические и иные документальные данные, позволяющие проиллюстрировать положения, сформулированные в соответствующих главах исследования.

В целом, на наш взгляд, диссертационное исследование состоялось, основная исследовательская задача, поставленная В.А. Перминовой, в целом решена.

С точки зрения изложения материала и оформления работы диссертация написана в целом ясным и понятным языком, структура работы имеет понятную логику и сбалансированное распределение объема материала по структурным блокам.

Работа В.А. Перминовой может быть использована для написания обобщающих монографий по проблематике истории международных

отношений в АТР, а также использоваться для подготовки курсов лекций, спецкурсов и учебных пособий по новой и новейшей истории Китая, Японии, Тайваня, истории внешней политики в Восточной Азии, а также по проблематике региональной интеграции в Азии и в АТР.

Наряду с отмеченными выше достижениями, в данном диссертационном исследовании, как и в любой работе, есть дискуссионные моменты и недостатки, которые укажем ниже:

Прежде всего заметим, что комплексный характер изучения колониального Тайваня имеет и обратную сторону – тема получается достаточно обширной для того, чтобы можно было бы сконцентрироваться в какой-то одной области и сделать более глубокий анализ.

Следующее замечание – раздел о колониализме вообще, и применительно в Китае, получился несколько фрагментарным. Дело даже не в том, что колониализму как феномену новой и новейшей истории уделено в мировой историографии такое большое число исследований, что это трудно адекватно обобщить в рамках данного исследования. Но даже опыт Китая – тема сама по себе слишком обширная, чтобы «мимоходом» затрагивать ее здесь. Во-первых Китай (в отличие от многих других крупных стран Востока) не утратил в колониальную эпоху своей собственной государственности и политической субъектности и не совсем может быть сопоставлен именно с колониальными социумами, где политическая надстройка была полностью в руках иностранных хозяев. Во-вторых, проанализированная автором одна отдельно взятая дискуссия американских (по преимуществу) историков 60-70 гг. в парадигме «угнетение – модернизация» касалась не воздействия колониализма на Китай, а воздействия на Китай пресловутого «открытия», то есть включения страны, начиная с эпохи Опиумных войн, в систему мирохозяйственных связей и установления целой системы

«неравноправных договоров», позволявших державам реализовывать свои интересы в Китае. Но данная дискуссия – лишь небольшой эпизод идущих уже более ста лет в мировой исследовательской литературе споров относительно таких тем, как причины и последствия колониализма, феномен империализма, асимметрия мирового политического и экономического пространства, отношения центра мировой капиталистической экономики с периферией и проч. В свое время эти темы были в центре внимания множества авторов как марксистской направленности, так и немарксистских течений. Как раз к 60-70-м гг. XX в. относятся многочисленные дискуссии сторонников теории «периферийного капитализма» и теории модернизации. Так что утверждение автора (стр.18) о том, что «работы, анализирующие явление колониализма делятся на 3 группы («угнетение», модернизация, «маргинализм»)» - это, конечно же, серьезное упрощение. Попутно заметим такую, например, неточность: на стр. 32 автор пишет, что с XVIII века «колонии становятся рынком сбыта дешевых фабричных товаров из Европы». В данном случае у автора получается, что дешевые фабричные товары из Европы начали сбываться еще до промышленного переворота в Европе.

Оппонент не совсем разделяет мнение автора о том, что наилучшим теоретическим основанием для более глубокого изучения колониального Тайваня может служить миросистемная теория Иммануила Валлерстайна. При всем уважении к данному выдающемуся исследователю исторического генезиса глобального капитализма, из диссертации не видно, что миросистемный подход позволил сформулировать, кроме тезиса о том, что, мол, «Тайвань от периферии прошел эволюцию к полупериферии».

Вместо раздела о колониализме вообще, И. Валлерстайне с его мир-системой, возможно, было бы более целесообразно хотя бы в самом кратком виде дать раздел о развитии доколониального Тайваня, особенно с

учетом многочисленных к настоящему времени исследований тайваньских историков. Иначе может сложиться впечатление, что автор полагает, будто японцы начинали свои преобразования на Тайване «с нуля», чуть ли не «с чистого листа». Заметим попутно, что в диссертации в целом автор больше опирается на данные, приводимые разного рода иностранными авторами, и более широкое использование исследований современных тайваньских историков могло бы серьезно дополнить эту картину.

В главе об экономической политике японцев на Тайване автор выделяет несколько периодов, в частности с 1895 по 1919 гг., с 1920 по 1928 гг. и т.д. Было бы хорошо, чтобы автор дала бы более четко обоснование выделению именно этих хронологических границ, аргументировала бы их какими-то качественными сдвигами в проводимых японской колониальной администрацией мерах.

Хотя один из важных разделов диссертации посвящен развитию сельского хозяйства в колониальном Тайване, представляется, что с учетом накопленной исторической наукой сведений, этот раздел мог бы быть гораздо более подробным и исследовательским. В частности, упоминается система землевладения, существовавшая на Тайване к моменту прихода японцев, но посвящено ей буквально всего пара страниц, хотя сама же автор пишет в работе, насколько важное значение уделяла колониальная администрация наведению порядка в системе землепользования. (Значит признается, что система имела запутанный характер). Здесь можно было бы привлечь достаточно хорошо изученный, в том числе в отечественном китаеведении, материал по аграрным проблемам южных провинций Китая, показать в чем было сходство, а в чем отличие тайваньской деревни.

То же самое касается проблемы «круговой поруки» - *баоцзя*. Практически о проблемах функционирования данного института, важного для низового контроля в сельской местности, говорится отрывочно, не объясняется, что именно привнесли японцы в организацию работы этого

механизма. Попутно заметим, что *баоцзя*, существовавшая в Китае в имперские времена, начиная с Сунской династии, была реанимирована правительством Гоминьдана в начале 30-х гг. в тех провинциях, которые подчинялись прямому контролю со стороны Нанкина, однако степень эффективности действия механизма продолжает оставаться дискуссионной в литературе.

В связи с этим следует отметить, что в диссертации, к сожалению, оказался обойден стороной вопрос о территориально-административной организации колониальной Формозы. В одном месте упомянуты «префектуры», но не поясняется, были ли в этот период уезды, области, волости, или они были упразднены японцами; какова была пирамида органов управления, начиная от *баоцзя* и до уровня генерал-губернатора, какие еще механизмы обеспечения эффективности контроля действовали, помимо полицейских органов.

Говоря о сотрудничестве японцев с представителями тайваньской элиты, в частности в рамках механизмов совещательных органов и других структур самоуправления, автор не упоминает ни каких-либо конкретных деятелей из среды тайваньских элит, ни организации, выступавшие партнерами японцев в деле управления на местном уровне. Между тем, материалов такого рода опубликовано довольно много.

Наконец, следует отметить, что вывод автора о том, что Гоминьдан после 1945 года, то есть после капитуляции Японии и возвращения Тайваня Китаю якобы следовал «японской модели развития» (см. напр. на стр. 150) – нельзя не признать дискуссионным. Аргументация автора в основном сосредоточена вокруг того, что Гоминьдан в период 1945-1949 гг. не уделял первостепенного внимания Тайваню, сосредоточившись на проблемах внутренних провинций. Однако это еще не доказывает, что Гоминьдан «следовал японской модели». Скорее это доказывает лишь то, что в этот период у правительства в Нанкине никакой внятной модели по

отношению к Тайваню еще не было выработано, подтверждением чего стала обострявшаяся социально-экономическая ситуация на острове, приведшая к крупнейшему антигоминьдановскому восстанию, известному как «Инцидент 28 февраля» (1947 г.)

Стоит отметить и наличие некоторых огрехов стиля, неточностей в формулировках. Приведем несколько примеров. На стр. 95 в разделе о миграционной политике говорится о намерении японцев «изгнать» китайцев с острова. На самом деле, как выясняется из дальнейшего текста, речь идет об ограничении количества китайцев, проживавших на Тайване, но никак не об «изгнании». В одном месте автор говорит, что после 1895 г. большое количество состоятельных китайцев покинуло Тайвань. Не уточняется, что означает это «большое количество». Дальше, правда, в тексте находим, что число уехавших составило всего 0,2 процента населения.

Погрешности стиля в данном случае создают у читателя неточное понимание того, что хочет сказать автор. На стр. 92 написано «Тайвань представлял собой не только удачное место для капиталовложений, но и являлся основным вкладчиком денег в банки». На стр. 23 написано что некий тайваньский ученый Цзинь Цзялинь работал в «Тайваньском отделе внешних связей» (?), а в последние годы был занят преподавательской деятельностью. На странице 150 упомянут некий «Институт экономических исследований при КР» (?), который «провел с участием американских специалистов работу по изучению состояния дел на оккупируемых территориях». На стр. 141 написано что в 90-е годы XIX века в Корее при поддержке японцев действовала некая «Прогрессивная партия Кореи». На стр. 105 в иероглифическом представлении термина «Движение за превращение в японских граждан» 皇民化运动 вместо

иероглифа 皇 (императорский) ошибочно дан сходный по звучанию иероглиф 黄 (желтый).

Будем надеяться, что эти замечания могут быть полезными при уточнении отдельных вопросов этого без сомнения весьма интересного и полезного исследования, а также при подготовке его издания в качестве монографии.

Вместе с тем, приведенные выше замечания оппонента не влияют на общую положительную оценку диссертации. Исследование носит законченный характер. Автореферат и публикации соответствуют содержанию диссертации. Диссертационное исследование Перминовой Веры Александровны на тему «Тайвань – «образцовая» колония Японии (1895-1945 гг.): особенности социально-экономических преобразований» соответствует требованиям п. 7 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (в редакции Постановления правительства России №475 от 20 июня 2011 г.), предъявляемым к кандидатским диссертациям, а его автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.15 – «История международных отношений и внешней политики».

Официальный оппонент
доцент кафедры истории Китая
заместитель директора
Института стран Азии и Африки МГУ
имени М.В.Ломоносова
к.и.н.

Карнеев

Карнеев А.Н.

Адрес: 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11
Тел.: +7 (495)629-55-78
e-mail: Andrei_Karneev@mail.ru

Верниса Карнеева А.Н.
Удостоверено
Олефиренко
25.01.2016

